

УДК: 330+316.6

ECONOMICS КАК ПРАВСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ

Добринка Златева

Великотырновский университет им. Святых Кирилла и Мефодия, Болгария
Хозяйственный факультет

Поставлена проблемы изменения методологической парадигмы экономической теории, что последняя стала человеческим измерением экономики. Односторонность методологического индивидуализма в теории «экономикс».

Ключевые слова: *парадигма экономической теории, методологический индивидуализм, экономический человек, рыночный механизм, социальное сотрудничество*

Много лет я изучаю и преподаю Economics, и у меня оформилось чувство недостаточного присутствия человека в современной экономической теории. Этот факт вызвал желание исследовать человека как экономическую категорию. Мои исследовательские поиски [1] в этом направлении привели меня к мысли, что Economics можно воспринимать и как нравственную теорию.

Цель этой статьи – поделиться с научной общественностью идеей необходимости в изменении методологической парадигмы экономической теории, предложить интеллектуальную модель исследования нравственной идентичности экономики. Акцент на человеке решительно меняет экономическое мышление и придает ему характер пограничного, включающего философские, этические, психологические, культурные и другие элементы. Мною руководила мысль, что в центре внимания экономиста академического типа должно быть человеческое измерение экономики, с помощью которого экономическая теория должна найти достойное и значимое место в системе человеческого знания, становясь в этом смысле гуманитарной и нравственной наукой.

Эмблемой для западной культурной традиции является мысль Протагора, что человек – мера всего существующего. Человек – центр, изучаемый, изображаемый, ограничиваемый, поощряемый, обругиваемый, возвеличиваемый. Человек – смысл всего, символ науки, искусства, экономики и т.д. И это так потому, что сущность человека многогранна. Разные теоретические позиции делают акцент на разных аспектах человеческой сущности и человеческого поведения. Очевидно, единая теория человека невозможна. Экономические, социальные, культурные, моральные и т.п. характеристики человека существуют не рядом друг с другом, а находят свою реализацию друг через друга. В их

взаимозависимом осуществлении заключаются, в сущности, очарование человеческой природы и достойная цель познания.

Классическая экономическая теория создает концепцию homo economicus. Это универсальный экономический субъект, индивидуальный, эгоистичный, рациональный, максимизирующий. Всем известна позиция Смита: «Мы получаем свой обед не благодаря благосклонности мясника, пивовара, пекаря, а благодаря их ревностному отношению к их собственным интересам. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму и никогда не разговариваем с ними о своих потребностях, а только об их выгоде» [2, с. 16].

Методологический индивидуализм, навязывая фундаментальную аксиому относительно homo economicus, продолжает нереально дифференцировать его от социальных, психологических, нравственных и т.п. характеристик человека. А это противоречит многообразной человеческой сущности и многообразной экономической действительности. Поэтому немецкая историческая школа, австрийская школа, институциональный экономик, поведенческая экономика и т.д. настроены критически к классической концепции экономического человека.

В современной научной действительности все более авторитетные авторы подвергают концепцию homo economicus критике, и считают, что модель экономического человека односторонняя, так как человек не только экономический человек, а экономическая действительность проникнута целостной духовной сущностью человека. По мнению Келлера: «к экономической науке всегда стремились люди, способные к математике, но которые не всегда понимали, что происходит на улице. Вот почему экономистам всегда было нетрудно построить модель, в которой любой индивид функционирует рационально.

Теперь возникает парадоксальная ситуация: на кафедре экономической психологии студент узнает, что поведение человека уклоняется от модели homo economicus, но на остальных кафедрах он продолжает изучать экономику в ее классическом виде» [3]. Преувеличенный индивидуализм экономической методологии, консервативная вера в homo economicus отдаляет экономическую теорию от реальности и отводит ей место теории у «классной доски». Навязывается убеждение, что экономическая наука нуждается в заметном изменении концепции homo economicus, в изменении традиционно воспринятого классического его образа.

Homo economicus индивидуален. Декарт, Лейбниц, Баркли, Кант, Фихте и др. навязывают индивидуализм как философскую концепцию. Экономическими авторитетами этой философии являются Смит, Рикардо, Фридман, Солоу и др. Для всех них социальная сущность

человека не является ведущей. Свобода жить согласно своим желаниям и предпочтениям находится в основе индивидуализма.

Жизнь людей, однако, взаимозависима. «Если бы я свел все в человеке к индивиду, пишет Хердер, и отрицал бы цепь взаимосвязей между всеми людьми и между людьми и целым, то для меня осталась бы непонятной природа человека и его история, так как ни один из нас не становится человеком единственно благодаря себе» [4]. Человек живет в семейной, производственной, профессиональной общности, в которой он реализует себя как общественный индивид. Поэтому его поведение социально определено. По мнению Фукуямы, «человеческие существа по своей природе являются существами общественными, чьи самые глубокие стремления и инстинкты ведут к созданию моральных правил, связывающих их в общность» [5, с. 26]. Экономический человек, бесспорно, является результатом цивилизации, истории, культурной среды, отношения с остальными и т.д. В своем индивидуальном поведении он не свободен от их воздействия, он подвластен концепциям, абстракциям, образам, обычаям и т.п., определяющим его социальную жизнь.

Свой личный интерес экономический человек может реализовать только через взаимодействие с остальными. Ведомые своей личной экономической активностью, преследуя свои индивидуальные амбиции, люди фактически взаимно удовлетворяют интересы друг друга. В этом смысле экономическое поведение не вполне свободно. Экономический выбор осуществляется не вполне атомизированным и автономным человеком, а является результатом контакта с остальными людьми. Вот почему утверждать, что экономическое поведение основывается на одномерности человека, противоречит его социальной природе. Делать акцент на индивидуальной человеческой сущности, абстрагироваться от сосуществования с другими, является неработающей абстракцией, делающей теорию уязвимой, и позволяет определить ее как несостоятельную.

Мы отдаем предпочтение интерсубъективной концепции человека (Бахтин, Хабермас, Мизес и др.). Природа человека как общественного индивида определяет совместный характер человеческой деятельности. В этом смысле сущность человеческого существования – взаимность, сосуществование с остальными. И именно поэтому фундаментальная основа человеческой жизни – совместность, взаимодействие, взаимное дополнение друг друга. Поэтому, вероятно, реальнее, чтобы предметом экономической науки был не индивидуальный субъект, а интерсубъект, взаимозависимый экономический человек.

С позиции экономики сущность человека не субстанциональна, а функциональна. Он осуществляет себя через свои действия в общности

остальных. Но во взаимности с остальными действие превращается во взаимодействие. Взаимная выгода – интегрирующая сила в дифференцированном экономическом поведении, через которое человек осуществляет собственное свое существование, проявляет и формирует собственные свои характеристики. Экономический индивидуализм можно изменить на «диалогический индивидуализм». И если диалог не типичный термин в экономической риторике, его сущность выражают понятия сделка, договор, контракт, транзакция и др.

Эгоистический интерес является доминирующим в образе homo economicus. Он эгоистичен и преследует единственно собственную выгоду. Но он реализует себя в общности остальных. Эгоистическая свобода является абсолютной в поведении человека, касающемся только его. Она ограничена, потому что проявляется в отношении, касающемся и остальных. Как сказал Д.С. Милль: «Единственная свобода, которую стоит называть «свободой», та, что позволяет нам стремиться к своему собственному благу своими способами при условии, что мы не лишаем других подобного правила или не мешаем их усилиям добиться его» [6, с. 22].

По мнению Айзии Барлина люди так связаны между собой, что ни одно человеческое действие не следует считать полностью личным вопросом и никоим образом не мешающим другим [7, с. 6]. Следовательно, ничем не ограниченные экономические индивидуализм и эгоизм невозможны. Если Веблен прав, что в человеке существует «инстинкт к соперничеству», то, вероятно, прав и Фукуяма, что в человеке «сотрудничество генетически заложено». В экономике раскрываются одновременно эгоизм и сотрудничество. Человеческий эгоизм ограничен в рамках социальной общности сотрудничающих друг с другом людей. Поэтому эгоистический интерес экономического человека – его самая бедная и недостаточно точная характеристика.

Экономическая теория не обращает достаточно внимания на ограниченную этим моральную сторону экономических процессов. В ней рынок осуществляет связь между экономическими индивидами. Обычно считается, что он основывается на свободе и индивидуализме. Но, по моему мнению, из-за взаимозависимостей жизни людей человеческое поведение социально определено. Вот почему на рынке взаимодействуют общественные индивиды, реализующие свои личные интересы через взаимодействие с другими. Рыночное поведение основывается не только на эгоистическом индивидуализме человека. Экономический выбор осуществляется не вполне атомизированным, автономным человеком, а является результатом его контактов с другими людьми. Когда будет осознана ограниченность индивидуальной свободы, тогда невозможно будет не воспринять факт, что у рынка нет другой альтернативы, кроме общественного существования, что он является общностью атомизированных индивидов. Рынок

обладает ограничительными механизмами, согласно которым индивидуальная свобода – свобода ограниченная.

В экономике, следовательно, и на рынке, свобода – это свобода действия, а не взглядов. Свобода – это возможность с помощью рынка осуществлять собственные интересы, но он ее и ограничивает потому, что свобода одних значит ограничение свободы других. Никто не может быть абсолютно свободным, раз существует необходимость в свободе других. Может быть, это имеет в виду Хайек, утверждая, что люди свободны, когда добровольно подчиняются правилам в отношениях между собой [8, с. 123].

Ограничение свободы может быть определено как справедливость. И для Яноша Киша справедливость – ограничение целей, которые преследуют члены общества [9, с. 20]. Рынок показывает, что ты не можешь делать, и содержит предел действия свободной инициативы, личного интереса. И этот предел на рынке – это конкуренция, которая устанавливает рыночную справедливость. Основное утверждение в этом анализе заключается в том, что проблема справедливости – это проблема границы.

Рынок – не столкновение обособленных эгоистических конкурентов. Рыночный механизм – это механизм координации индивидуальных действий с целью взаимной выгоды.

Речь идет о морали и человеческих добродетелях, которые создает рынок – создает их в виде сглаживания интересов. Бесспорно, мораль можно воспринимать и как внешнюю систему, которая ограничивает несовершенства рынка. Ричард Хар описывает мораль как способ арбитражного решения между противоположными интересами. «Думать морально, пишет он, означает хотя бы подчинить собственные интересы там, где они входят в противоречие с интересами других людей на принципе, который можно, принять как управляющий поведением в определенных обстоятельствах» [9, с. 168]. Мой анализ однако подыскивает те аргументы, которые доказывают, что у рынка своя собственная мораль, что он формирует моральное рыночное мышление и поведение, что на рынке протекают процессы, придающие ему моральные характеристики. Он создает не культуру неограниченного индивидуализма, а культуру взаимного сотрудничества и партнерства, создает мораль «каждый для себя в общности других».

Так рынок откликается на природу человека, на базисную человеческую характеристику и на изначальную раздвоенность, на индивидуальное и коллективное существование. Но как человеческая природа находится далеко от гармонического единства этих своих качеств, так и в рыночной системе нет достаточно доказательств единства и гармонии свободы и справедливости. Историческое развитие

рынка показывает, что он поляризует бедность и богатство, приводит к существованию отчаянно и унизительно обедневших людей и наций, способствует появлению бесстыдной роскоши и люксу нищеты духа, все еще создает чувство, что реализует дикий эгоизм и бессовестный интерес (в особенности в странах, переживающих переход).

В книге «Кто боится А. Смита?», посвященной полностью забываемым экономистами «нравственным чувствам» Смита, Питер Дохарти создает удачную метафору: «Возможно, известная всем «невидимая рука» Смита находится все еще где-нибудь рядом, но у нее уже покривившиеся суставы, приплюснутая ладонь и вырванные ногти. По иронии судьбы, менее известная моральная чувствительность – душа рынка – сохранилась» [10, с. 36]. Совершенно нормально связывать анализ рынка с нравственными чувствами и добродетельным рыночным поведением. Не является невозможным выделять социальный и рыночный гуманизм, найти цивилизующий потенциал рынка.

Эта работа сохраняет то, что основным объектом исследования в экономической теории является homo economicus и что рынок основывается на свободе и индивидуализме.

По-моему, homo economicus – интересующий, взаимозависимый экономический человек с ограниченной социальной общностью эгоизмом, с поведением согласования, договоров, оптимизации, человек, создающий гуманную экономическую среду, накапливающий культурные ценности, созданные в экономике, и становящийся фактором глобальной человеческой культуры.

Список литературы

1. Златева Д. Съотношението между работна заплата и печалба: антропологични измерения, Фабер, 2002; Златева, Д. Есе за «Ното economicus», сб. Дни на науката, 2006, В.Търново, 2006; Златева, Д. Economics and the moralizing function of the market, The knowledge based organization, Land Forces Academy Publishing Hous, Sibiu, 2007.
2. Смит, А. Богатството на народите. – С., 1983. – С. 16.
3. Цит. по Игорь Джадан, <http://old.russ.ru/politics/20021021-dj-pr.html>.
4. Хердер, Й. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – С. 630.
5. Фукуяма, Ф. Големият разлом. – Рива, 2001. – С. 26.
6. Мил, Д. С. За свободата, 1993. – С. 22.
7. Алтернативи на несвободата, политическа философия «Пигмилион», 1998. – С. 6.
8. Хайек, Ф., Фаталната самонадеяност. – С., 1997. – С. 123.
9. Алтернативи на несвободата, политическа философия. – Пигмилион, 1998. – С. 20.

ECONOMICS AS A MORAL THEORY

Dobrinca Zlateva

Velicotyrnovsk University after Saint Kirill and Methodiy. Bulgary
economic faculty

The author considers the problem of methodological paradigm change of economic theory. He thinks that the theory became the human measure of economy. The article relates about the one-sided methodological individualism in the economic theory.

Key words: *economic theory paradigm, methodological individualism, economic human, market mechanism, social cooperation.*

Об авторах:

ЗЛАТЕВА Добринка – преподаватель экономического факультета Великотырновского университета им. Святых Кирилла и Мефодия, Болгария, e-mail: mamagulashvili-tvgu@yandex.ru